

Л.А.Мельникова

ПРОБЛЕМА СОВЕСТИ В РОМАНЕ Г.БЁЛЛЯ «ГДЕ ТЫ БЫЛ, АДАМ?» В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА С Ф.М.ДОСТОЕВСКИМ

В контексте раскрытия проблемы совести подвергаются осмыслению особенности образа оберштурмфюрера Фильскайта, представленного в романе Г.Бёлля «Где ты был, Адам?». Посредством развернутого сопоставительного анализа образов Фильскайта и поручика Жеребятникова выявляются творческие параллели художественных манер писателей в аспекте принципов воссоздания психологической характеристики персонажей-деспотов. И Г.Бёлль, и Ф.М.Достоевский по концентрическому принципу органично наполняют описание внешности своих героев выразительными психологическими деталями, раскрывающими суть их личности и формирующими определенный негативный горизонт ожидания читателя в отношении них. Выявленными в результате проведенного анализа чертами, объединяющими образы Фильскайта и Жеребятникова, являются духовная ограниченность, эгоцентризм, стремление к демонстрации собственного превосходства, антигуманизм, склонность к изощренному психологическому насилию. Писатели обнаруживают сходство идейных позиций в аспекте проблемы насилия и ответственности за совершенное зло, показывая, как отсутствие совести может не только стать причиной деградации и начала распада личности конкретного человека, но и нести серьезную угрозу будущему всего человеческого социума в целом. Отталкиваясь от традиций русского классика, немецкий писатель в тоже время акцентирует национальный колорит созданного им в романе «Где ты был, Адам?» образа-деспота Фильскайта.

Ключевые слова: Г.Бёлль, Ф.М.Достоевский, «Где ты, был, Адам?», «Записки из Мертвого дома», совесть, деспот, аллюзии, рецепция

Для многих героев немецкого писателя Генриха Бёлля (1917—1985) совесть выступает в качестве мощного внутреннего индикатора собственного поведения. Проблема совести занимает важное место в художественном мире различных произведений этого автора, среди них романы «Хлеб ранних лет» (“*Das Brot der frühen Jahre*”, 1955), «Бильярд в половине десятого» (“*Billard um halb zehn*”, 1959), «Глазами клоуна» (“*Ansichten eines Clowns*”, 1963), «Групповой портрет с дамой» (“*Gruppenbild mit Dame*”, 1971) и другие. Ставится она и в романе «Где ты был, Адам?» (“*Wo warst du, Adam?*”, 1951) — самом значительном тексте Г.Бёлля о войне. Данное произведение имеет сложную жанровую природу, так как «романом эта книга может быть названа только условно: она состоит из девяти глав-новелл, связанных между собой сквозными действующими лицами, некоторыми сюжетами и в первую очередь — общей канвой военной истории — немецкие войска отступают под ударами Красной Армии, и действие каждой из глав происходит последовательно в Румынии, Венгрии, Чехословакии, наконец, в самой Германии» [1]. Исследователями уже обращалось внимание на то, что проблемы вины, ответственности и совести являются центральными в этом произведении Г.Бёлля [2-5]. Особую остроту им придает социально-политический контекст их рассмотрения. Осмысление событий недавнего прошлого Германии, связанного с событиями Второй мировой войны, извлечение из него уроков во избежание повторения подобных ошибок в будущем являются в этом тексте приоритетными художественными задачами Г.Бёлля. Немецкий писатель показывает неприглядную картину войны, осуждает нацизм и в связи с этим уделяет особое внимание образам персонажей, лишенных совести как таковой. Типичным примером подобного героя в романе «Где ты был, Адам?» является оберштурмфюрер Фильскайт. Репрезентация образа данного персонажа отмечена следами влияния поэтики Достоевского, которого Г.Бёлль считал одним из учителей своего литературного мастерства. Достоевский являлся центром взаимодействия Г.Бёлля с русской литературой [6, с. 389]. Этот русский классик оказал очень сильное влияние на построение художественного мира многих произведений Г.Бёлля, особенно явственно, как нами было ранее установлено, в аспекте психологизма оно ощущается в романе «Групповой портрет с дамой» [7]. Доказательством факта влияния Ф.М.Достоевского на поэтику романа «Где ты был, Адам?» служат художественные «переклички» между образами Фильскайта и поручика Жеребятникова, героя романа Ф.М.Достоевского «Записки из Мертвого дома», «с протокольной точностью изображающего жизнь сибирской каторги» [8, с. 10-11].

Сопоставление этих образов не случайно, оба они связаны с раскрытием проблемы совести в анализируемых в данной статье произведениях. В художественной системе Ф.М.Достоевского так же, как и у Г.Бёлля, совесть относится к числу ключевых этических категорий, является одним из важнейших нравственных ориентиров для его персонажей. Она служит «своеобразным компасом в жизни человека. Чувство совести выражается в недовольстве собой, в осуждении не только дел своих, но дел других, дел всего общества» [4, с. 58]. Герои Достоевского — это люди большой совести, которая не дает им возможности быть равнодушными к страдающему и к тем поступкам, которые они совершают [4, с. 58]. В качестве примера можно привести Раскольникова и Ивана Карамазова. Среди персонажей, созданных Г. Бёллем, также есть те, для которых совесть имеет первостепенное значение. Среди них Ганс Шнир, Шрелла, Фендрих и другие. Они не могут равнодушно смотреть на социальное зло, насилие и несправедливость. Однако, помимо

положительных и высоконравственных персонажей, в галерее образов Г.Бёлля и Ф.М.Достоевского представлены и такие, которые по своему моральному облику являются полными антиподами первых. Они оказываются либо наделенными преступной совестью, либо лишенными ею вовсе. К последним как раз и относятся Фильскайт и Жеребятников.

Характеризуя образы Фильскайта и Жеребятникова, исследователи указывали на следующие сходства между ними: 1) чрезмерная жестокость, 2) уважение к закону, 3) возведение процесса истязания в статус своеобразного искусства [4, с. 59].

С учетом перечисленных выше параллелей, мы в данной статье сосредоточим свое внимание на анализе особенностей репрезентации психологической характеристики образов Фильскайта и Жеребятникова. Это и составит новизну нашего исследования. С целью выявления дальнейших соответствий между названными персонажами обратимся к развернутому сопоставительному анализу их образов.

Фильскайт — комендант концлагеря, Жеребятников — поручик в одном из сибирских острогов. Каждый из них в процессе своей службы демонстрирует деспотические черты поведения, в связи с чем их обоих можно отнести к психологическому типу деспота.

В романе «Где ты был, Адам?» Фильскайт — это типичный пример фашиста, уверенного в собственной исключительности, по-видимому, ввиду убежденности в своей принадлежности к всемогущей нации. Г.Бёлль постепенно формирует у читателя представление об этом персонаже. Динамика восприятия данного героя во многом обусловлена его портретными описаниями, которые по концентрическому принципу с каждым разом дополняются новыми выразительными деталями. Так, к примеру, первый портрет-представление Фильскайта создает ошибочно благоприятное впечатление о нем: «Оберштурмфюрер был среднего роста брюнет, его бледное интеллигентное лицо дышало целомудрием. Он был строг к себе и к другим и не терпел ни малейшей расхлябанности. Он неукоснительно выполнял приказы» [9, с. 233]. Однако по мере развертывания портретных описаний Г.Бёлль показывает своего героя укрупненным планом и тем самым лишает читателя каких-либо иллюзий по поводу личности Фильскайта: «Оберштурмфюрер Фильскайт любил искусство, прежде всего, музыку. Он был среднего роста, брюнет, и некоторые находили его бледное, интеллигентное лицо красивым, но квадратный, чересчур большой подбородок отягощал тонкие черты и придавал всему лицу выражение совершенно неожиданной и пугающей жестокости» [9, с. 234].

Указание на пугающий подбородок дополняется упоминанием о том, что Фильскайт никогда не улыбался. В совокупности эти детали можно рассматривать в качестве намека не только на внутреннюю твердость этого героя, но и на его душевную черствость и отсутствие способности к сочувствию.

Немецкий писатель приводит читателя к выводу о том, что исключительность Фильскайта находится за гранью психической нормы. Этого персонажа раздражает сам факт наличия у других тех качеств, которые отсутствуют у него самого. Среди них — милосердие, любовь к ближнему, способность к состраданию. Именно из-за этих черт Фильскайт проникается ненавистью к приходскому священнику, прозванному в народе «святым». Лютая мука и ненависть жгут ему сердце, когда он видит дружелюбную улыбку последнего. Положительные качества, связанные с человеколюбием, Фильскайт презрительно называет «еврейскими» и считает их достойными порицания, так как они свидетельствуют, с его точки зрения, о проявлении слабости.

Упоминая об отвращении Фильскайта к курению, алкоголю и пошлым анекдотам, Бёлль подчеркивает, что аскетизм и отсутствие вредных привычек отнюдь не являются свидетельством нравственной чистоты человека и его безусловным достоинством. Подобные черты могут также служить показателем намеренного стремления человека к демонстрации своего особого статуса в социуме, что можно рассматривать в качестве одного из проявлений эгоцентризма.

Немецкий писатель создает тип героя-идеологического фанатика, воспринимающего расовую теорию как воплощение своих самых сокровенных идеалов. Парадоксальным становится тот факт, что внешность самого Фильскайта (черные волосы, небольшой рост), так фанатично следующего расовой теории, не соответствует критериям расы Лозэнгринга.

Посредством постепенной концентрации выразительных деталей в процессе портретирования перед читателем возникает образ деспота-эстета. В характере Фильскайта чрезмерная жестокость уживается с любовью к музыке. Пристрастие к музыке, смешиваясь с идеологическим фанатизмом, дает причудливо-гротескное сочетание.

Став комендантом концлагеря, Фильскайт сразу констатирует наличие музыкального таланта у вверенных ему узников. Последний факт становится для него неприятной неожиданностью, музыкальная одаренность заключенных евреев поражает его. С учетом этого обстоятельства он разрабатывает особую систему отбора среди вновь прибывающих в его лагерь пленников: «Каждый новый заключенный препровождался к нему на пробу голоса. На учетной карточке Фильскайт отмечал певческие способности новичка баллом от нуля до десяти. Ноль он выставял лишь немногим — они сразу же поступали в лагерный хор, а те, кому доставался балл десять, только день-другой оставались в живых» [9, с. 237].

Фильскайт содержит в лагере хор, в который помещает лучших певцов и певиц и которым руководит лично. Руководство хором в лагере служит средством удовлетворения честолюбивых запросов этого персонажа. Г.Бёлль констатирует чудовищность подобной деятельности в условиях лагерной действительности: «Лагерный хор был его гордостью, он вышел бы с ним победителем на любом хоровом смотре, но, увы, публикой на концертах хора были только полумертвые узники да лагерная охрана» [9, с. 237].

Фильскайт превращает занятия музыкой, проводимые им в концлагере с евреями, в изощренную форму пытки, доставляющей ему невероятное удовлетворение и приносящее особое эстетическое и идеологическое наслаждение. Немецкий писатель упоминает об организаторском таланте своего героя, но ничего не сообщает о его музыкальной одаренности. Парадоксальность образа Фильскайта заключается в том, что будучи человеком, искренне увлеченным искусством, он в то же время мыслит преимущественно шаблонами преступной идеологии. Отступление от последних, совершаемое кем-то из поднадзорных ему заключенных, вызывает у него бурю негодования и злости.

Характеризуя своего персонажа, Г.Белль указывает также и на то, что «неукоснительное выполнение любого приказа было для него делом чести» [9, с. 236]. Фильскайт считает приказы превыше всего, но в то же время он создает особую реальность внутри лагеря. Практику собственного руководства хором он сохраняет исключительно из собственных эгоистических соображений. Но все же приказы для него важнее музыки, поэтому состав его хора, в связи с необходимостью переправки заключенных, периодически претерпевает изменения. В связи с сокращением лагерей нацистам приходится уничтожать людей на месте. За все время руководства лагерем Фильскайт «сам еще никого не убил, и его страшно угнетало то, что он не может убивать. Но поскольку приказы не предписывали этого, он преклонялся перед мудростью этих документов и пунктуально выполнял их. Личное участие он считал делом не столь уж важным, главное — понять необходимость этих приказов, уважать их и выполнять» [9, с. 237].

Болезненное переживание Фильскайтом несоответствия собственной внешности расе Лоэнгина усиливается во время его встреч с белокурными евреями. Писатель замечает, что «Фильскайт ненавидел их еще больше, чем темноволосых, несмотря на то, что многие из них могли бы украсить любой альбом с портретами представителей нордической расы» [9, с. 238]. Последнее утверждение можно рассматривать в качестве намека на то, что честолюбивый Фильскайт обладает весьма хрупким самолюбием. Возможно, негодование героя также связано с тем, что белокурые евреи самим фактом своего существования отрицают непреложность положений расовой теории.

Для раскрытия характера Фильскайта показателен эпизод, повествующий о его встрече с заключенной еврейкой Илоной, учителем немецкого языка и музыки, руководителем школьного хора. Последняя деталь служит утверждением того, что для искусства не существует расовых и национальных различий. Портретное описание Фильскайта представлено в романе и точкой зрения униженной и оскорбленной пленницы Илоны: «В комнате она увидела человека в офицерском мундире <...> Лицо у офицера было очень бледное и болезненное, но когда он поднял голову и посмотрел на Илону, ее испугал его тяжелый, отталкивающе-уродливый подбородок» [9, с. 243].

Пение Илоны шокирует Фильскайта, вызывает у него панику и ненависть, которые в итоге достигают такой силы, что он утрачивает контроль над собой: «Илона продолжала петь, а лицо стоявшего перед ней офицера конвульсивно дергалось и походило на громадный конвульсирующий нарыв <...> Фильскайт пристально смотрел на нее <...> оставаясь один он часто стоял перед зеркалом, тщетно пытаясь обнаружить в себе красоту, и величие, и расовое совершенство. Все это было в ней, в этой женщине — красота, и величие, и расовое совершенство. Но в голосе ее звучало еще нечто, что потрясло его, — это была вера. Он сам не мог понять, как позволил ей петь даже после антифонов — наверно, он был в бреду. Он видел, как она вся дрожит, и все же в ее взгляде светилась какая-то любовь <...> в ее голосе звучала сила, теплота и удивительная просветленность» [9, с. 244].

Видя, что окружающие заворуженно слушают пение Илоны, Фильскайт теряет самообладание, из его горла вместо крика вырывается лишь хриплый клекот. В состоянии аффекта он убивает Илону, выпуская в нее всю обойму и отдает приказ расстрелять всех евреев, находящихся на плацу, отказавшись от традиционного прослушивания их голосов.

В романе Ф.М.Достоевского «Записки из Мертвого дома» представлен образ поручика Жеребятникова, которого также можно охарактеризовать как деспота. Первый портрет-представление этого персонажа содержит ряд выразительных психологических деталей: «Это был человек лет под тридцать, росту высокого, толстый, жирный, с румяными, заплывшими жиром щеками с белыми зубами и с ноздревским раскатистым смехом. По лицу его было видно, что это самый незадумывающийся человек в мире. Он до страсти любил сечь и наказывать палками, когда, бывало, назначат его экзекутором» [10, с. 191].

Физическая полнота, усиленно подчеркиваемая в портрете использованием нескольких определений, создающих впечатление избыточности, свидетельствует о том, что для этого героя плотское начало стоит выше духовного. Упоминание о ноздревском смехе можно рассматривать в качестве указания на стремление к демонстративности, склонности к эгоцентричному поведению, плутоватости и авантюризму. В анализируемом портретном описании также подчеркивается поверхностность, отсутствие привычки к умственному труду и размышлениям. Чрезмерное пристрастие к жестоким физическим наказаниям можно расценивать в качестве признака определенного психического отклонения этого персонажа.

Далее Ф.М.Достоевский также по концентрическому принципу добавляет новые дополнительные штрихи к портрету своего героя, акцентируя внимание на ключевых чертах его характера: «Поручик <...> был чем-то вроде утонченнейшего гастронома в исполнительном деле. Он любил, он страстно любил исполнительное искусство, и любил единственно для искусства. Он наслаждался им и, как истаскавшийся в наслаждениях, полинявший патриций времен Римской империи, изобретал себе разные утонченности, разные

противуестественности, чтоб сколько-нибудь расшевелить и приятно пощекотать себе заплывшую жиром душу» [10, с. 192].

Духовные запросы Жеребятникова очень скудны, физические наказания заключенных являются для него основным и главным способом их удовлетворения. Он старается продемонстрировать извращенно-творческий подход к процессу исполнения наказаний, тем самым усиливая мучения арестантов. Он испытывает удовольствие от того, что может по своей воле регулировать, как правило в сторону усиления, страдания людей, полностью находящихся в его власти.

Так же как и у Фильскайта, душа Жеребятникова черства. Подобно герою Г.Бёлля, он в принципе не способен на сострадание, хотя в диалогах с заключенными иногда пытается лицемерно изобразить сочувствие. Но если Фильскайт создает хотя бы видимость умственной деятельности и работы над своим духовным развитием в процессе создания статьи, посвященной музыке, то Жеребятников оказывается напрочь лишенным этих качеств. Его душа «мертва», Достоевский не случайно использует при создании портрета этого героя отсылку к гоголевскому персонажу Ноздреву. И для героя Ф.М.Достоевского, и для персонажа Г.Бёлля применяемые ими «творческие» формы издевательств над заключенными являются средством самолюбования и осознания собственного могущества. И русский классик, и немецкий писатель показывают в своих романах, как непосредственному физическому наказанию над заключенными предшествуют изощренные психологические пытки.

Образы анализируемых персонажей претерпевают в процессе повествования определенную трансформацию: в состоянии аффекта полностью контролирующий себя Фильскайт превращается из палача психологического в палача физического, Жеребятников — из физического палача с целью получения удовольствия перевоплощается в психологического деспота.

Необходимо отметить, что образ Фильскайта оказывается более художественно разработанным, образ Жеребятникова представлен более сжато, но, несмотря на это, он является достаточно содержательным. Оба писателя показывают, что изображаемые ими персонажи находятся за гранью моральной и в определенной степени психической нормы. В образе Фильскайта присутствуют отдельные отсылки к образу Жеребятникова в аспекте подхода к процессу наказания как к акту своеобразного творчества. Однако нужно подчеркнуть, что Г.Белль создает образ оригинального персонажа, порожденного немецкой военной действительностью и нацистской идеологией. В то же время наличие характерных аллюзий на героя Достоевского служит признаком рецепции немецким писателем художественного опыта русского классика в романе «Где ты был, Адам?».

Подводя итог всему сказанному выше, необходимо констатировать, что образы Фильскайта и Жеребятникова отмечены национальным колоритом, им присуще художественное своеобразие. Однако ряд выявленных между ними параллелей, прежде всего касающихся форм их поведения, свидетельствует о сходстве подходов писателей к изображению образов персонажей-деспотов. Оба автора заостряют внимание на сущности психологии последних. Концентрический принцип использования выразительных деталей для создания развернутых психологических портретов деспотов Фильскайта и Жеребятникова способствует глубинному раскрытию проблемы совести и насилия в романах «Где ты был, Адам?» и «Записки из Мертвого дома».

Таким образом, в результате проведенного сопоставительного анализа можно добавить к выявленным ранее исследователями сходным качествам Фильскайта и Жеребятникова духовную ограниченность, эгоцентризм, стремление к демонстрации собственного превосходства, антигуманизм, склонность к психологическому насилию. Изощренность подходов героев к процессу исполнения наказаний граничит с извращенностью, что, в свою очередь, свидетельствует о несоответствии Фильскайта и Жеребятникова принятым в обществе психическим и моральным нормам мышления и поведения.

В независимости от эпохи и национальной специфики проблема совести остается актуальной во все времена. Создание образов персонажей, лишенных этого качества и руководствующимися принципами преступного, аморального поведения, призвано подчеркнуть тревогу Ф.М.Достоевского и Г.Бёлля относительно дальнейших перспектив современного им и последующих поколений человечества. На примере Жеребятникова и Фильскайта оба автора показывают, как отсутствие совести становится признаком деградации и постепенного распада личности человека, его превращения в преступника, перешагивающего грани не только закона, но и человеческой морали и нравственности. Утрата человеческого облика отдельными членами общества, в свою очередь, представляет серьезную угрозу для будущего всего человеческого социума в целом.

1. Топер П. Генрих Бёлль — романист и рассказчик // Бёлль Г. Избранное: Сборник. М.: Радуга, 1988. С. 5-32.
2. Кудашова Н.Н. Бёлль — моралист // Вестник Мордовского университета. 1994. № 4. С. 32-34.
3. Кудашова Н.Н. Текстовая антропоцентричность как отражение человеческого фактора с позиции говорящего лица // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 346-350.
4. Мишин И. Достоевский и зарубежные писатели. Основные проблемы творчества, традиции и новаторство: учеб. пособие по спецкурсу. Ростов-на-Дону, 1974. 139 с.
5. Рожновский С.В. Генрих Бёлль. М.: Высш. школа, 1965. 101 с.
6. Леман Ю. Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени / Пер. Н.Бакши, А.Жеребина. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

7. Мельникова Л.А. Достоевский и Г.Белль: проблема литературных влияний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1(31). В 2 ч. Ч. I. С. 94-99.
8. Геригк Х.Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Авториз. пер. с нем. и науч. ред. К.Ю.Лапно-Данилевского. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Нестор-История, 2016. 320 с.
9. Белль Г. Где ты был, Адам? // Белль Г. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Романы; Повесть; Рассказы; Эссе. 1947—1954. М.: Худож. лит., 1989. С. 133-286.
10. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 3. М.: Правда, 1982. С. 5-302.

References

1. Toper P. Genrikh Bell' — romanist i rasskazchik [Heinrich Böll — a novelist and storyteller]. In: Bell' G. Izbrannoe: Sbornik. Moscow, 1988, pp. 5-32. (In Russ.).
2. Kudashova N.N. Bell' — moralist [H.Böll as a moralist]. Vestnik Mordovskogo universiteta, 1994, no. 4, pp. 32-34.
3. Kudashova N.N. Tekstovaya antropotsentrichnost' kak otrazhenie chelovecheskogo faktora s pozitsii govoryashchego litsa [Text anthropocentricity as a reflection of the human factor from the perspective of a speaking person]. Filologicheskie nauki, Voprosy teorii i praktiki, 2018, no. 5(83), part 2, pp. 346-350.
4. Mishin I. Dostoevskiy i zarubezhnye pisateli. Osnovnye problemy tvorchestva, traditsii i novatorstvo: ucheb. posobie po spetskursu [Dostoevsky and foreign writers. The main problems of creativity, tradition and innovation: textbook]. Rostov-na-Donu, 1974. 139 p.
5. Rozhnovskiy S.V. Genrikh Bell' [Heinrich Böll]. Moscow, 1965. 101 p.
6. Leman Yu. Russkaya literatura v Germanii. Vospriyatie russkoy literatury v khudozhestvennom tvorchestve i literaturnoy kritike nemetskoyazychnykh pisateley s XVIII veka do nastoyashchego vremeni [Russian literature in Germany. The perception of Russian literature in art and the literary criticism of German-speaking writers from the 18th century to the present]. Moscow, 2018. 480 p.
7. Mel'nikova L.A. Dostoevskiy i G.Bell': problema literaturnykh vliyaniy [Dostoevskiy and H.Böll — the problem of literary influences]. Filologicheskie nauki, Voprosy teorii i praktiki, 2014, no. 1(31) in 2 parts, part I, pp. 94-99.
8. Gerigk Kh.Yu. Literaturnoe masterstvo Dostoevskogo v razvitii. Ot "Zapisok iz Mertvogo doma" do "Brat'ev Karamazovykh" [Dostoevsky's literary skill in development. From "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, 2016. 320 p.
9. Bell' G. Gde ty byl, Adam? [And Where Were You, Adam?]. In: Bell' G. Works in 5 vols, vol. 1. Moscow, 1989, pp. 133-286. (In Russ.).
10. Dostoevskiy F.M. Zapiski iz Mertvogo doma [The House of the Dead]. In: Dostoevskiy F.M. Works in 12 vols, vol. 3. Moscow, 1982, pp. 5-302.

Mel'nikova L.A. The problem conscience in the novel by H.Böll "And Where Were You, Adam?" in the context of the creative dialogue with F.M.Dostoevskiy. In the context of the disclosure of the problem of conscience, the paper comprehends the peculiarities of the image of SS Captain Filskeit presented in the novel by H.Böll "And Where Were You, Adam?" Through a detailed comparative analysis of the images of Filskeit and Lieutenant Zherybatnikov, creative parallels of the writers' artistic manners are revealed in terms of the principles of reconstructing the psychological characteristics of despot characters. Both H.Böll and F.M.Dostoevskiy, on a concentric principle, organically fill the descriptions of the appearance of their heroes with expressive psychological details that reveal the essence of their personality and form a certain negative horizon for the reader's expectations regarding them. The features that unite the images of Filskeit and Zherybatnikov revealed as a result of the analysis are spiritual narrow-mindedness, egocentrism, the desire to demonstrate their own superiority, anti-humanism and a tendency to sophisticated psychological violence. The writers discover a similarity of ideological positions in the aspect of the problem of violence and responsibility for committed evil showing how the lack of conscience can not only cause degradation and the beginning of the collapse of the personality of a particular person, but also pose a serious threat to the future of the whole of human society as a whole. Basing on the traditions of the Russian classic, the German writer emphasizes at the same time the national colour of the image of the despot Filskeit created by him in the novel "And Where Were You, Adam?"

Keywords: H.Böll, F.M.Dostoevskiy, "And Where Were You, Adam?", "The House of the Dead", conscience, despot, allusions, reception.

Сведения об авторе. Любовь Александровна Мельникова — кандидат филологических наук (10.01.03), старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»; ORCID: 0000-0001-5257-6069; lmelnikova5@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.05.2020. Принята к публикации 15.05.2020.